

ОТЗЫВ ОФИЦИАЛЬНОГО ОППОНЕНТА

**доктора исторических наук, доцента, заведующего кафедрой истории
ФГБОУ ВО «Российский государственный аграрный университет –
МСХА имени К.А. Тимирязева» Оришева Александра Борисовича на
диссертацию Суркова Максима Юрьевича на тему: «Роль Всесоюзного
общества культурной связи с заграницей в развитии
советско-иранских отношений (1925–1941 гг.)», представленную на
соискание ученой степени кандидата исторических наук по
специальности 5.6.7 – История международных отношений и внешней
политики**

Проблема, избранная М.Ю. Сурковым для кандидатского исследования, представляет несомненный научный и политический интерес. Советско-иранские отношения в последние годы все чаще становятся предметом исследования. Особый интерес здесь представляет период Второй мировой войны, когда они подверглись очередному испытанию. И совсем неслучайно, что такому неординарному событию, как ввод союзных войск в Иран были посвящены две кандидатские диссертации и данный аспект рассматривался в одном докторском исследовании. И тем не менее лакуны сохранились. До сих пор нет ни одной монографии о месте и роли Всесоюзного общества культурной связи с заграницей в становлении и развитии отношений СССР и Ирана. Следует полагать, что диссертация М.Ю. Суркова восполняет этот пробел. Это позволяет заключить, что с научной точки зрения данная работа, безусловно, актуальна.

Диссертация М.Ю. Суркова актуальна и в политическом плане. Исламская Республика Иран является одним из партнеров Российской Федерации и любое исследование, посвященное российско-иранским отношениям, в том числе культурным связям, будем очень полезным и своевременным.

Во введении автор сформулировал цель, задачи, объект, предмет, хронологические и географические рамки исследования. И сразу же возникает вопрос о последовательности изложения диссертационного материала. На наш взгляд, автору следовало бы сразу после определения актуальности темы перейти к описанию источниковой базы. Автор же источниковую базу исследования анализирует уже после того, как сформулировал объект, предмет, хронологические и географические рамки исследования, показал степень разработанности темы. Было бы логичнее на основании имеющихся источников, достижений российской и зарубежной историографии формулировать предмет и объект диссертационного исследования, а не наоборот.

Главная заслуга М.Ю. Суркова – включение в научный оборот ранее неизвестных широкой общественности архивных документов из Государственного архива Российской Федерации (ГАРФ). Ф. Р-5283 «Всесоюзное общество культурной связи с заграницей», Ф. А-2306 «Народный комиссариат просвещения РСФСР», Ф. Р-5446 «Совет народных комиссаров СССР»; Российского государственного архива социально-политической истории (РГАСПИ). Эти документы позволили диссертанту оценить круг функциональных обязанностей сотрудников центрального аппарата ВОКС. Особую ценность представляют отчеты гидов-переводчиков об обслуживании иранцев, посещавших СССР. Деловая переписка ВОКС с советскими учреждениями и общественными организациями в СССР позволила диссертанту получить данные о характере и масштабе сотрудничества и взаимодействия ВОКС с ними, а переписка ВОКС с иранскими государственными, общественными деятелями, учеными дала возможность отследить с кем именно удалось установить непосредственную связь, в чем конкретно она выражалась.

Вызывает только сожаление, что М.Ю. Сурков не использовал в своей работе материалы Архива внешней политики Российской Федерации (АВП

РФ), в фондах 94 и 094 которого имеются сведения о Всесоюзном обществе культурной связи с заграницей.

Говоря об этом упущении диссертанта, допускаю, что отсутствие в диссертации ссылок на документы АВП РФ, компенсируются солидным блоком документов из иранских архивов, представленных материалами различных министерств и государственных ведомств. Речь идет о фондах Национального архива и библиотеки Исламской Республики Иран. Это документация министерства внутренних дел: приказы и распоряжения, отчетная документация министерства просвещения, вакфов и изящных искусств – отчеты инспекторов о деятельности советских школ и многое другое. Также заслуживает безусловного одобрения тот факт, что М.Ю. Сурков использовал в своей диссертации материалы ежегодника Министерства просвещения, вакфов и изящных искусств, опубликованные документы по советско-иранским отношениям из архива Министерства иностранных дел ИРИ, где приведена переписка иранского МВД с МИД по поводу клубов советских граждан и советских школ в Иране.

Вполне логично, что диссертант обратился к документам британской миссии в Иране. Обращение к годовым отчетам, переписке с британским МИД, консульским дневникам (*consular diaries*) и докладам резидентов английских спецслужб позволило М.Ю. Суркову выявить реакцию со стороны британцев на развитие советско-иранских связей.

Нельзя не сказать и о том, что, привлекая в качестве источников газеты «Правда», «Вечерняя Москва» автор также использовал материалы периодической печати Ирана (газеты «Иран», «Эттелаат», «Шефаг-е сорх»). Сделаем лишь поправку, что автору можно было и расширить блок иранских газет за счет «*La journal de Teheran*», «*Сетаре-е Джахан*», «*Messenger de Teheran*».

Отметим работу автора с мемуарной литературой. Подчеркнем, что в диссертации были использованы практически все опубликованные в нашей

стране и за рубежом воспоминания участников тех событий: мемуары А.Г. Емельянова, Н.Г. Пальгунова, дневниковые записи Н.Н. Баратова.

Автор изучил практически всю имеющуюся по затрагиваемой теме литературу на русском, английском, персидском языках, сделал ее критический разбор, показав основные лакуны исторического знания по изучению советско-иранских культурных связей в обозначенный период.

Вместе с тем вызывает вопросы порядок изложения историографии вопроса. Диссертант совершенно справедливо начал обзор с анализа достижений отечественной историографии. Однако затем он перешел к описанию работ западных авторов. Было бы логичнее продолжить обзор анализом иранской литературы, тем более что диссертант сам констатирует тот факт, что тема советско-иранских культурных связей «слабо разработана в западной историографии».

Что касается непосредственно отечественной историографии, то диссертанту следовало бы больше внимания уделить анализу монографии Д.В. Валиевой, которую он справедливо называет «самой крупной работой советского периода, посвященной советско-иранским культурным отношениям». Четыре строки, посвященные этой книге, явно недостаточно.

Включая в свой обзор кандидатскую диссертацию В.М. Магомедханова «Иранский Курдистан в политике СССР во второй половине 1930-1940-х годов», диссертант не упомянул монографию этого же автора «Курды. Забытые союзники СССР». А познакомиться с ней диссертанту было весьма полезным.

В обзор работ российских историков М.Ю. Сурков включил кандидатскую диссертацию Ю.Б. Сафарова «Британо-советская военная операция «Согласие» в Иране. 1941 г.: исторический опыт и уроки». Заметим, что Юсуфали Баходирович Сафаров – это не российский историк, а ученый из Узбекистана.

Также бы хотелось обратить внимание на национальную принадлежность работ так называемых «западных» авторов. М.Ю. Сурков

называет Ж.-Ф. Файе швейцарским исследователем, А. Табатабаи – американским исследователем иранского происхождения. О национальной принадлежности других авторов он умалчивает. Таким образом, мы не видим основных особенностей американской, британской исторической школы в освещении событий, происходивших в Иране в 1930-1940-е годы.

Упомянув в историографическом обзоре имена Ш. Фицпатрик и Л. Штерн, диссертант не дает ссылки на библиографическое описание их работ.

Если в отношении обзора «западных авторов» есть вопросы, то в отношении обзора работ иранских авторов они практически отсутствуют. Впечатляет сам объем привлеченной литературы. М.Ю. Сурков включил в свой обзор М.А. Акбари, А. Амини, А.Р. Зарэи, М. Тахер-Ахмади, Ф. Мехри, М.Т. Мохтари и других уважаемых представителей иранской исторической школы, показав ее основные достижения, выявив лакуны и объяснив причины их происхождения.

Однако при анализе некоторых работ имеет место описательный подход. Так, диссертант пишет, что «необходимо отметить статью Л. М. Раванди-Фадаи и Н. Мосаки о советско-иранских культурных связях и стратегии советской культурной дипломатии в Иране в период 1940-1960-х гг.». Однако из сказанного не ясно, почему требовалось отмечать именно эту работу, что она дала для исследования и т.п.

Что касается хронологических рамок исследования, то они вполне логичны и вытекают из логики исследования. Вызывает лишь сожаление, что диссертант верхнюю границу исследования ограничил августом 1941 г. Дело в том, что ВОКС активно действовала в Иране на протяжении всей войны и ознакомиться с этой деятельностью было бы очень полезно. Но это не замечание к диссертанту, а пожелание продолжить исследования в обозначенной области. Заметим, что об этом говорит о сам диссертант в заключении своей работы, в подпункте «Перспективы дальнейшей разработки темы».

Не вызывает вопросов структура диссертации. Она полностью

подчинена логике исследования и представляет собой работу, состоящую из введения, трех глав, заключения, списка использованных источников и литературы. Краткие выводы в конце каждого параграфа четко суммируют изложенное и логично подводят к последующему материалу. Основной текст дополняют 6 приложений, имеющие самостоятельную научную ценность.

В первой главе диссертации ««ВОКС в системе советско-иранских культурных отношений»», представленной тремя параграфами, диссертант определяет роль и место ВОКС в системе двусторонних отношений СССР и Ирана.

М.Ю. Сурков выявляет корреляцию возможностей ВОКС с общим курсом развития советско-иранских отношений. При этом он четко демонстрирует нам различия в национальной политике СССР и Ирана, что создавало серьезные препятствия для деятельности ВОКС. Внимание к разным, в том числе, «нетитульным» национальностям, в Иране – армянам, тюркам (азербайджанцам и туркменам) – которое оказывалось в ходе реализации советских культурных проектов в Иране, вызывало вполне понятную озабоченность со стороны Реза-шаха Пехлеви, проводившего политику персидского национализма.

Характеризуя советско-иранские отношения в 1920-е годы М.Ю. Сурков констатирует, что СССР и Иран были заинтересованы в развитии экономического сотрудничества, а в сфере культуры, идеологии и национальной политики точек соприкосновения было значительно меньше.

Диссертант совершенно справедливо отмечает, что одной из причин ослабления советско-иранских культурных связей в 1938-1940 гг. была ставка иранской элиты на расширение сотрудничества с нацистской Германией, которая рассматривалась как «третья сила» и противовес влиянию СССР и Великобритании. При этом, опираясь на архивные документы, он убедительно доказывает, что и в этот период ВОКС сумело сохранить некоторые формы советско-иранских культурных связей, в

частности, такие, как отправка печатных изданий и демонстрация советских кинофильмов.

Диссертант дает характеристику изменений в организации работы ВОКС с восточными странами, подчеркивая при этом отрицательное влияние на слаженность работы созданного в 1934 г. Восточного отдела оказали политические репрессии, по причине которых в 1937–1938 гг. сменилось четыре его заведующих. С этим выводом нельзя не согласиться.

Анализируя работы представителей ВОКС в Иране на основе переписки сотрудников советского полпредства и консульств с НКВД и ВОКС, диссертант установил, что обязанности уполномоченных ВОКС в порядке общественной нагрузки возлагались на секретарей полпредства и консулов в провинциях. Подобная организация работы вела к перегруженности советских дипломатов – уполномоченных ВОКС, которые не могли сосредоточить свое внимание только на вопросах культурных связей. И этот вывод автора не вызывает возражений.

Во второй главе «ВОКС и поддержка инициатив в сфере образования и досуга», представленной тремя параграфами, автор, опираясь на архивные материалы и другие источники, раскрывает деятельность ВОКС по содействию различным советским культурным проектам на территории Ирана. Он дает характеристику функционирования русско-персидских школ в контексте иранской национальной системы образования. С особым интересом читаются страницы, где говорится об ухищрениях, на которые шло ВОКС, добиваясь финансирования этих образовательных организаций использовало политическую аргументацию: школы именовались центрами борьбы с организациями «дашнаков» и «мусаватистов», что повышало статус этих школ для советского правительства.

М.Ю. Сурков, опираясь на документы из архивов, разоблачает стереотипы, созданные советской прессой о деятельности школ в Иране, заявляя о том, что в советской прессе ситуация со школами в этой стране освещалась не так, как в отчетах, что и неудивительно. Правда истории была

такова, что реальное положение советских школ в Иране было плачевным. Советские школы в данной области занимали только небольшую нишу, в основном обеспечивая потребности советских учреждений на территории Ирана. Однако для руководства ВОКС эти школы были важными очагами советской культуры на территории Ирана.

Большое внимание уделяется такому проекту ВОКС как подготовка учебного издания для изучения русского языка. Правда, из текста не очень понятен его статус. В одних случаях диссертант называет его учебником, в других учебным пособием, что вносит методологическую путаницу. Так или иначе, но М.Ю. Сурков ярко описал все перипетии, которые были связаны с его изданием. Говоря о его содержании, он отмечает, что тематический подбор текстов учебного издания, которое, в конце концов, увидело свет, не был пропагандистским. Значительную роль в его появлении диссертант вполне обоснованно отводит тогдашнему руководителю ВОКС О.Д. Каменевой.

Не меньший интерес представляет материал, посвященный деятельности клубов советских граждан в Иране. Диссертант акцентирует свое внимание на том, что ВОКС оказывал клубам поддержку, отправляя им литературу, однако в центральном аппарате ВОКС не всегда учитывали внутриполитические особенности Ирана: зачастую направлялась литература, которую нельзя было использовать по причине ее идеологического содержания. Обратим внимание и на тот факт, что влияние клубов советских граждан на иранцев было минимальным. М.Ю. Сурков находит тому вполне логично объяснение: плотный надзор иранской полиции за деятельностью советских клубов. Этот вывод подтверждается диссертантом архивными документами.

В третьей главе «Деятельность ВОКС по укреплению связей с иранской общественностью», представленной двумя параграфами, показано то, как ВОКС стал организатором множества советско-иранских культурных мероприятий, таких торжествах как Десятая годовщина

Октябрьской революции в 1927 г., юбилейные мероприятия по поводу тысячелетия иранского поэта А. Фирдоуси в 1934 г., III Международный конгресс по иранскому искусству и археологии в 1935 г. Как мы видим из диссертации каждое такое мероприятие служило стимулом для развития книгообмена между двумя странами.

В процессе исследования диссертант сделал многозначительный вывод о том, что если в 1920-е гг. ВОКС выступало как инициатор важных событий – вечеров сближения, создания общества сближения в Иране, то в 1930-е гг. ВОКС является лишь соорганизатором мероприятий, в которых главными участниками становятся советские научные учреждения.

Впервые в отечественной историографии в оппонируемой диссертации показано, как ВОКС осуществлял книгообмен и продвигал советский кинематограф в Иране. М.Ю. Сурков приводит сведения о том, как со стороны ВОКС направлялись периодические издания: сборники «ВОКС», *Nouvelles Sovietiques* (Советские новости), журналы «СССР на стройке», «Наши достижения», «Советское кино», «Театр и драматургия», «На фронте здравоохранения», газеты «Советское искусство», «Литературная газета», а также специализированная литература для передачи в иранские государственные учреждения. Тематика изданий включала в себя развитие советского здравоохранения, образование, сельское хозяйство, латинизацию алфавита.

М.Ю. Сурков, отмечая, что на протяжении всего изучаемого периода по линии ВОКС в Иран отправлялись различные печатные издания, называют целый ряд проблем, которые приходилось решать: несвоевременность отправки литературы, нецелевой язык для Ирана (узбекский, украинский), некачественная упаковка посылок и потеря товарного вида подарочных изданий, отправка устаревших изданий (особенно справочного характера). Заметим, что ранее в отечественной историографии говорилось только о шахской цензуре, ставившей препоны в распространении советской

литературы в Иране, когда слова «социализм», «коммунизм», «революция» для местной прессы были неприемлемы.

В своем исследовании диссертант затронул тему распространения советской кинопродукции в Иране, что приходилось делать в условиях жесткой конкуренции. Обращает на себя характерная деталь, обнаруженная диссертантом: «шахская полиция и МИД занимали иногда противоположные позиции. Первая придерживалась максимально строгого, жесткого подхода к советской кинопродукции, а второе старалось смягчить реакцию людей в погонах».

Следует поддержать автора в его стремлении показать роль личности в истории на примере руководителей ВОКС. М.Ю. Сурков среди всех персоналий отмечает О.Д. Каменеву, уделявшей особое внимание советским образовательным проектам на территории Ирана. Он также отмечает, что сменивший ее Ф. Н. Петров следовал в русле инициатив, намеченных первым председателем правления общества. А.Я. Аросев, напротив, не проявлял особого интереса к иранскому направлению, сосредоточившись на работе ВОКС в Европе. В.Ф. Смирнову пришлось руководить ВОКС в период масштабных политических репрессий, когда деятельность общества снизилась до минимальных масштабов. И наконец, приход к руководству ВОКС В.С. Кеменова означало начало периода стабильности в существовании общества.

В самом тексте диссертации мы находим много интересных сведений и о других личностях – референтов по Ближнему Востоку ВОКС А.И. Назаряна, Б. Лебедева, Е.Л. Штейнберга и др.

В заключении автор подводит итоги исследования, формулирует основные выводы, среди которых обращает на себя внимание утверждение о том, что «в деятельности ВОКС на протяжении 1925–1941 гг. Иран не являлся приоритетным направлением как с точки зрения выделяемого финансирования, так и с точки зрения перспектив культурной дипломатии. Несмотря на декларированный советскими лидерами интерес к Востоку,

приоритетом в развитии культурных связей обладали страны Западной Европы и США». Подчеркнем, что данное заявление не нивелирует достижения ВОКС в Иране. Скорее напротив, оно убеждает нас в том, что во многом вопреки создавшимся условиям руководство и рядовые сотрудники ВОКС проделали огромную работу по налаживанию, развитию и сохранению советско-иранских отношений в сфере культуры, что убедительно продемонстрировал диссертант.

Основные научные результаты, полученные автором, представляются в том, что им показано как выработывалась стратегия укрепления культурных связей с Ираном в рамках ВОКС; установлено как была организована работа ВОКС на иранском направлении в центральном аппарате ВОКС и в самом Иране; проанализированы попытки институционального закрепления ВОКС на территории Ирана в виде создания Общества сближения с Ираном, раскрыты причины неудачи этого проекта; охарактеризованы конкретные мероприятия, проводившиеся ВОКС по линии советско-иранских культурных связей; определены основные этапы работы ВОКС на иранском направлении; выявлена роль ВОКС в системе советско-иранских отношений.

Оценивая в целом диссертацию, отметим хороший научный стиль изложения материалов исследования. Представленная к оппонированию работа легко и с интересом читается.

Отмечая несомненные достоинства диссертации, следует отметить и ряд недостатков, свойственных этой работе. Обращает на себя внимание некоторая небрежность при оформлении списка использованной литературы. Дано неполное описание некоторых наименований в списке литературы, использованной диссертантом. Не указаны издательства, в которых были опубликованы монографии. Присутствует неправильное написание некоторых терминов (в словосочетании «Третий рейх» слово «рейх» следует писать со строчной буквы, см. с. 17).

Возникает неясность в отношении главного термина диссертации: ВОКС. Смотрим по тексту диссертации: «ВОКС выполняло» (см. с. 30) и на

этой же странице «ВОКС поддерживал». Следовательно, не ясно какого рода данный термин – мужского или среднего.

Однако вышеперечисленные замечания не умаляют заслуг диссертанта, проделавшего большую и важную, как в научном, так и в политическом плане работу. В целом диссертация является крупным вкладом в дело реконструкции одного из самых важных и малоизученных аспектов большой научной темы.

Отметим и практическую значимость оппонируемой работы. Материалы диссертации М.Ю. Суркова представляют несомненный интерес не только как историографический факт. Они послужат укреплению партнерских отношений между Российской Федерацией и Исламской Республикой Иран, будут содействовать лучшему взаимопониманию между народами двух стран.

Основные результаты работы М.Ю. Суркова нашли свое отражение в трех статьях, опубликованных в ведущих научных журналах из перечня ВАК Министерства науки и высшего образования РФ, автореферат соответствует основным положениям представленной кандидатской диссертации.

Таким образом, диссертация М.Ю. Суркова является законченной самостоятельной научно-исследовательской работой, содержащей новое решение важной проблемы из истории международных отношений кануна и периода Второй мировой войны.

Цель, которую поставил автор, достигнута, а исследовательские задачи решены. Представленная для оппонирования кандидатская диссертация является научно-квалификационной работой, в которой содержится решение научной задачи, имеющей значение для развития исторической науки. Она имеет существенное значение для более полного и точного понимания международных отношений и внешней политики советского государства и полностью соответствует требованиям п. 9 «Положения о присуждении ученых степеней в УрФУ», а ее автор Максим Юрьевич Сурков заслуживает присуждения ему ученой степени кандидата исторических наук по

специальности 5.6.7 – История международных отношений и внешней политики.

Официальный оппонент

Оришев Александр Борисович

доктор исторических наук (всеобщая история – 5.6.2)

доцент

заведующий кафедрой истории

Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования «Российский государственный аграрный университет – МСХА имени К.А. Тимирязева» (ФГБОУ ВО РГАУ – МСХА имени К.А. Тимирязева)

127434, г. Москва, ул. Тимирязевская, д. 49

Тел.: 8(499)976-05-63, факс: 8(499)976-0428

Orishev@rgau-msha.ru

5 февраля 2024 г.

Оришев Александр Борисович

